

Морис Шури

Новое о Парижской Коммуне

перевод *Кире Эммануиловны Кировой*
Французский ежегодник 1968
М.: Наука. 1970. С.98-109

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2012

Париж жил между 18 марта и 28 мая 1871 г. такой содержательной и интенсивной жизнью, что, несмотря на гибель многих архивов Коммуны, во французских архивных центрах сохранилось множество документов, относящихся к этому периоду. Исследователю не хватит целой жизни, чтобы просто разобрать папки Военно-исторического архива в Венсенском замке, дела Национального архива, материалы Национальной библиотеки, Архива префектуры полиции, музея Карнавале, музеев в Монтрё и в Сен-Дени, Исторической библиотеки города Парижа, библиотеки Арсенала, архивов окружных мэрий Парижа и пригородных коммун, архива департамента Сены.

Распыленность архивных фондов, пробелы в инвентарных описях, неточность каталогов, отсутствие помощи исследователю со стороны властей — все это не облегчает работу. Но зато какие неожиданные находки выпадают порой на долю исследователя, разбирающего архивные дела! Как бьется сердце, когда после долгих часов, а то и дней просмотра не представляющих особого интереса пыльных бумаг натыкаешься вдруг на документ, позволяющий пересмотреть какое-либо слишком поспешное суждение о том или ином аспекте изучаемых событий!

Так, работая в архиве департамента Сены, где собрана богатая коллекция документов о батальонах национальной гвардии, я обнаружил документ¹, который доказывает, что если Федерация национальной гвардии образовалась лишь в феврале 1871 г., то сама идея федеративного устройства армии граждан родилась вскоре после провозглашения Республики, в недрах старого революционного квартала Сент-Антуанского предместья.

Делегаты батальонов XI округа (на своих общих собраниях 11, 13, 17 и 18 октября 1870 г.), «убежденные в целесообразности разделения властей» и озабоченные тем, чтобы обеспечить хорошее руководство батальонами, заявили от имени национальных гвардейцев, которых они представляют, следующее: «Военное командование не имеет и не может иметь никакой административной и гражданской власти в частях национальной гвардии; только сами национальные гвардейцы, представленные своими

¹ Речь идет о скромной брошюре в обложке цвета бордо, на которой значится: République française démocratique et sociale. Liberté, égalité, fraternité. Garde nationale, sédentaire du XIe arrondissement. Des droits et des devoirs des délégués. Paris, typographie Morris père et fils 64 R. Amelot. 1870 (carton D 1R4 29).

свободно избранными делегатами, имеют право распоряжаться и управлять в своих ротах и батальонах всеми хозяйственными делами» (обмундирование, экипировка, обувь, головные уборы, питание, кассы вспомоществования, контроль за поступлениями и расходами, жалование, расходы на медицинскую помощь), «одним словом, всем, что относится к административным и финансовым делам национальной гвардии».

Политического содержания, которое обретет Федерация в феврале — марте 1871 г., еще не видно из этого документа по той простой причине, что в середине октября предательство «правительства национальной измены» еще не было ясно народным массам. Но эта брошюра показывает нам на примере одного округа, что федеративное устройство национальной гвардии было осуществлено уже через пять недель после провозглашения Республики.

Указывая, что избрание офицеров носит временный характер, национальные гвардейцы Сент-Антуанского предместья уточняли, что, выбирая начальников, они не намерены «отказываться от своего права отзыва тех из них, кто будет признан неспособным, выкажет себя недостойным или чье избрание будет проведено с нарушением формальной процедуры».

Так утверждались принципы народного контроля, права отзыва избранных, «императивного мандата», столь популярные после падения Второй империи. У этих «сменяемых» офицеров оспаривалось право *назначать* представителей рядовых гвардейцев. Между тем после избрания офицеров официальные циркуляры предписывали командирам батальонов приступить к назначению членов семейных советов рот. Разбираемый документ критикует это предписание, как «монархическое по своим методам и по своей сущности».

Собрание делегатов отметило, что «никто не может одновременно быть контролером и контролируемым», и на этом основании отвергло назначение в семейные советы унтер-офицеров. После этого перешли к голосованию устава. Каждая рота должна выбрать 7 делегатов, один из которых будет казначеем. Делегаты 8 рот каждого батальона образуют комитет, который будет собираться по меньшей мере один раз в неделю. Это — семейный совет батальона; его бюро будет состоять из председателя, секретаря и докладчика, *избираемых только на один месяц*. Делегаты каждого батальона избирают на общем собрании одного делегата в Центральный комитет округа. Члены бюро последнего будут избираться сроком на *один месяц* и могут быть переизбраны *лишь после месяца перерыва*.

Этот принцип *частой смены ответственных лиц* мы вновь обнаружим в дни Коммуны. Он был направлен на то, чтобы помешать бюрократизации руководящих кадров, способствовал выдвижению кадров и облегчал народный контроль.

Осуществляя свой мандат, делегат пользуется широкими правами. Он имеет право повседневного контроля над действиями своего комитета; но если он три раза без уважительных причин пропустит заседания комитета, это повлечет за собой его немедленный отзыв. В компетенцию ротных делегатов входит распределение пособий семьям национальных гвардейцев, контроль над выплатой жалования гвардейцам, полюбовное разрешение небольших претензий и жалоб, поскольку рассмотрение более важных из них возложено на батальонный комитет.

Центральный комитет округа должен ежемесячно отчитываться в своей деятельности. Наконец, устав может быть пересмотрен по требованию одной трети делегатов.

Этот устав, в высшей степени демократический, который распространяется из округа в округ, подобно поветрию, отчасти объясняет нам, как зимой 1870/71 г. в недрах буржуазного государства постепенно складывалось *народное государство*, пока в итоге революционного взрыва 18 марта 1871 г. оно не заменило в пределах столицы буржуазное государство.

Слесарь-механик Огюстен Авриаль, член Интернационала, избранный в начале осады Парижа офицерами и делегатами 66 батальона (XI легиона) его командиром, потребовал после поражения патриотического выступления 31 октября 1870 г. у Ратуши утверждения своего избрания народом. Выступив с публичным изложением своих взглядов², он заявил, что присоединяется «к тем, кто громко требует разрешения великих социальных проблем». «Я хочу,— заявил он,— радикального обновления общества, которое должно быть основано на вечных законах справедливости и права, а не на угнетении слабого сильным. Я хочу общественного договора, который, будучи заключен суверенной властью, обеспечил бы каждому полный продукт его труда и позволил бы народу наслаждаться благами высшего образования. Я хочу полного уничтожения милитаризма, этого последнего пережитка варварства. Я хочу уничтожения безраздельного господства конкуренции, биржевых спекуляций и запрета всякого религиозного образования, которое затуманивает разум наших детей. Если вы, граждане, думаете, как и я, вы окажете мне честь, оставив вашим командиром, в противном случае вы изберете другого гражданина, который сумеет лучше выразить ваши стремления».

Авриаль был переизбран, но командующий национальной гвардией генерал Клеман Тома³ отменил его избрание. «Сей почтенный генерал,— заметил Авриаль⁴,— понимает, что он не может иметь под своим началом батальонных командиров, принадлежащих к республиканцам-социалистам, которых он некогда расстреливал»⁵.

* * *

На третьем процессе Интернационала (2 июля 1870 г.) рабочий-литейщик Дюваль, член Интернационала, избранный в дальнейшем в Парижскую Коммуну от XIII округа, напомнил о реплике, брошенной в 1864 г. бастующим литейщикам их хозяевами: «Мы подождем, пока вы начнете голодать». Покорить национальных гвардейцев голодом — вот на какие варварские средства идет генерал д'Орель де Паладин (лишь незадолго до того назначенный командующим национальной гвардией), отдавая утром 17 марта 1871 г. приказ № 1097. Этот приказ мы обнаружили в «Тетради приказов 1-го сектора», хранящейся в муниципальной библиотеке Сен-Дени. «Батальоны и роты уклоняются от выполнения приказов законно установленных властей. Офицеры должны уведомить гвардейцев, находящихся под их началом, что батальоны и роты, которые откажутся подчиняться законам, управляющим жизнью национальной гвардии, рискуют потерять все права и все средства, отпускаемые на выплату пособий или вознаграждения в размере 1,5 и 0,75 франка. Подписал д'Орель де Паладин».

Жюль Фавр считал подобный метод действий «более опасным, чем прямая провокация»⁶, поэтому военный совет, собравшийся вечером 17 марта, и высказался в пользу прямой провокации: захвата пушек. Главнокомандующий Винуа дополнил это решение приказом «расстреливать на месте»⁷ каждого, кто попытается оказать сопротивление этой акции насилия.

Но генералы-палачи предполагают, а народы располагают. 18 марта 1871 г. ясно это показало.

² «Le Réveil», 8.XI 1870.

³ 18 марта 1871 г. он был расстрелян восставшими солдатами.

⁴ «La Patrie en danger», 21.XI 1870.

⁵ Намек на репрессии после июньского восстания 1848 г., во время которых Клеман Тома прославился своей жестокостью.

⁶ «Simple récit...», t. II, p. 209.

⁷ Vinoy. L'armistice et la Commune, p. 417.

Накануне выборов в Коммуну социалистический, демократический и республиканский Центральный избирательный комитет XI парижского округа опубликовал манифест, в котором изложил свои принципы⁸. Этот документ получил широкое одобрение населения Сент-Антуанского предместья, поскольку под ним стояли подписи 120 членов комитета, делегатов квартальных комитетов, делегатов Центрального комитета 20 округов от XI округа и представителей 12 батальонов национальной гвардии округа.

«Народ, — гласил манифест, — должен утверждать права и суверенитет, носителем которых он является. Поскольку республика — единственный политический образ правления, при котором могут быть осуществлены суверенитет и права народа, то никакое большинство не вправе провозгласить другое правление, кроме республиканского. Государство — это народ, который сам управляет своими делами посредством национального конвента, состоящего из депутатов, могущих быть отозванными и избираемых путем всеобщих, прямых выборов. Народ сохраняет за собой право обсуждения и утверждения всех конституций и органических законов».

Согласно этому документу занятие общественных должностей должно быть временным, они должны быть оплачиваемыми, доступными для всех и предоставляться на основе выборов. Служащие должны нести ответственность за все свои действия независимо от занимаемого положения. Совместительство запрещается. Постоянная армия будет упразднена. Правосудие будет бесплатным, а суд присяжных будет введен во всех судебных инстанциях. «Образование должно носить общественный характер, начальное образование должно быть светским и обязательным для всех, в средние специальные учебные заведения граждане и гражданки будут приниматься на основе конкурса и экзамена, сообразно их способностям, обучение в них будет бесплатным».

Церковь будет отделена от государства. Необходимые для государства средства будут обеспечены за счет ежегодных поступлений от единого прогрессивного подоходного налога. «В результате проведения этих мер нижеподписавшиеся надеются достичь лучшего будущего, когда каждый человек добьется полного осуществления своих прав и придет к осознанию своих обязанностей. Не будет больше ни угнетателей, ни угнетенных, ни классовых различий между гражданами, ни барьеров между народами. Семья есть и будет первичной формой ассоциации. Все семьи объединятся в одну более великую — Отечество, а все Отечества — в высший коллективный организм — Человечество».

Этот документ, выдвинутый «снизу», содержит основные пункты программы Коммуны. Он получил широкое одобрение избирателей, поскольку 5 из 7 кандидатов социалистического, демократического и республиканского комитета XI округа были избраны в Коммуну. Это — Асси, Эд и Мортье — члены Центрального комитета Федерации национальной гвардии, Прото — адвокат-бланкист, который станет делегатом юстиции, и Огюстен Авриаль, член Интернационала, секретарь ассоциации рабочих-механиков, который станет делегатом Коммуны по вооружению.

Более поучительным, чем чтение больших ежедневных газет Коммуны, представляется нам чтение маленьких, местных газет, издававшихся ее низовым активом и более непосредственно отражавших мнение народных масс.

⁸ Bibliothèque Nationale, folio L 57 B 1535.

«Le Prolétaire», organe des revendications sociales du XI arrondissement («Пролетарий», орган социальных требований XI округа)⁹ — это ежедневная газета, которая выходила эпизодически. Если ее первый номер появился 10 мая 1871 г., то второй вышел лишь 15 мая. «У нас не было необходимых средств», — объясняет редакция. Ее методы руководства, если судить о них по извещению, приклеенному к старой кружке для сбора пожертвований на нужды культа в церкви Амбруаз, были, скажем прямо, оригинальными.

«Учитывая декрет Коммуны и постановление делегата общественной безопасности, которое предусматривает запрещение всех видов пицценства, каковы бы они ни были, граждане XI округа поймут, что истинным демократом клуба Амбруаз не подобает продолжать практиковать приемы, насаждавшиеся шарлатанами в сутанах, которых народное правосудие изгнало отсюда. *Вследствие этого, первый номер газеты «Le Prolétaire» будет роздан всем. Заплатит, кто сможет.*»

В передовой статье «Трибуна равных» (в своем первом номере от 10 мая 1871 г.) «Пролетарий» обращается прямо к членам Коммуны:

«Вы должны говорить народу правду, а вы не говорите ее полностью¹⁰. Не бойтесь сознаться в поражении или признать ошибку. Народ прощает все, но только не лицемерие и измену... Не дайте угаснуть без пицци священному пламени и не пичкайте народ обещаниями социализма, подобно понам, обещающим своей пастве райские утехи, но лишь на том свете».

Автор передовой статьи «Le Prolétaire» доказывает, что высокий принцип народного суверенитета не может сводиться для народа только «к праву выбирать своих руководителей», ибо республиканский режим, толкуемый подобным образом, оставляет глубоко безразличными массы избирателей, «которые не получают от этого нового общественного договора тех же преимуществ, что их избранники». Именно этим, добавляет он, и объясняется «то состояние оцenenения, в котором мы изнываем вот уже три недели и которое ужасно напоминает второе издание системы Трошю»¹¹.

«Одного только происхождения правительства, — продолжает «Le Prolétaire», — недостаточно для оправдания его действий. Законно лишь то, что способствует общему благу. Одна только система выборов бессильна обеспечить торжество республики, если она не обставлена институтами, способными обеспечить ее жизнеспособность». И газета заканчивает требованием «выносить вопросы на народное обсуждение и утверждение».

В своем третьем номере (от 19 мая) «Le Prolétaire» заявляет, что он — за документы, удостоверяющие личность, и против свидетельств о благонадежности. Он так мотивирует свое мнение:

«Одному только народу принадлежит право судить людей и их поступки... Задача его уполномоченных должна сводиться к тому, чтобы дать народу возможность судить здраво и со знанием дела».

И «Le Prolétaire» продолжает, уещая депутатов: «Служители народа, не стройте из себя суверенов, эта личина пристала вам не больше, чем деспотам, чье место вы заняли... Большинство или меньшинство, какая нам разница? На весах Коммуны ваш вес ничтожен. Народ устал от спасителей. Отныне он намерен обсуждать их действия».

Далее, по поводу манифестации рабочих-пекарей, решивших таким образом «выразить свою благодарность Коммуне» за ее решение запре-

⁹ Bibliothèque de l'Arsenal — JO 243.

¹⁰ Версальцы только что заняли форт Исси, Россель подал в отставку, Коммуна сбвнула состав Комитета общественного спасения.

¹¹ Генерал, глава правительства 4 сентября 1870 г., убаюкивавший народ иллюзией, будто у него есть «план», который принесет победу над пруссаками.

тить ночную работу, «Le Proletaire» дает следующее разъяснение: «Народ не должен благодарить своих уполномоченных за то, что они исполнили свой долг. Они были бы преступниками, если бы не выполняли его... Не надо никогда забывать, что именно благодарность народов рождает тиранов. Члены Коммуны глубоко неправы, разыгрывая из себя PROVIDENCE и изображая каких-то маленьких юнитеров...»

Речь идет тут не о единичном мнении. Мы уже слышали этот колокольный звон после того, как Коммуна 9 апреля решила отсрочить на неопределенный срок дополнительные выборы. Делегация 20 округов обратилась тогда с резкими словами к уполномоченным народа¹²: «Граждане члены Парижской Коммуны, вас обвиняют в желании захватить власть. Слово «диктатура» уже было произнесено. Если общественное мнение не будет более с вами, оно выступит против вас. Помните об этом!

Чего вы опасаетесь? Идея Коммуны прокладывает себе путь. Принципы выборности, на котором она покоится, и ограниченное число членов Коммуны несомненно обязывают вас как можно быстрее заполнять вакантные места по мере их появления... Если бы в Коммуне в момент ее возникновения было больше членов, отставки или, вернее, дезертирства не произошло бы. Ушли бы только бесцветные и робкие... Если бы Парижская Коммуна насчитывала от 180 до 200 членов и будь они все революционерами и социалистами, Версальское собрание, состоящее из изменников и роялистов, остереглось бы атаковать Париж после того, как оно так позорно бежало из него... Граждане члены Парижской коммуны! Удвойте число членов Коммуны¹³ и немедленно призовите избирателей к избирательным урнам».

Дополнительные выборы были проведены 16 апреля, но Коммуна не последовала наказу Делегации 20 округов. Еще на заседании 7 апреля, под влиянием выступлений Тридона и Э. Вайяна, Коммуна отвергла предложение Паскаля Груссе довести число своих членов до 180¹⁴.

Так, муниципальное собрание было сведено к нескольким дюжинам избранников, измученных множеством возложенных на них обязанностей. Разве не были они одновременно законодателями в Коммуне, администраторами в мэриях своих округов, политическими комиссарами в батальонах своих кварталов, правителями в тех случаях, когда являлись членами Исполнительной комиссии, Комитета общественного спасения или делегатами в какой-либо крупной сфере коммунального хозяйства? И это незначительное количество членов Коммуны еще более уменьшится вскоре в результате серьезного конфликта между «большинством» и «меньшинством».

Кажется, Коммуна первая оказалась перед лицом основной проблемы народных режимов — противоречия между задачей сохранения необходи-

¹² См.: *M. Choury. La Commune au coeur de Paris. Paris, 1967, p. 272—273.*

¹³ Это требование уже содержалось в зародыше в декларации принципов, опубликованной в период осады (9 октября 1870 г.) в «Le Combat» Центральным республиканским комитетом 20 округов Парижа. «Муниципалитет, приступающий к исполнению своих обязанностей в начальный момент коренной реорганизации общества и обязанный удовлетворять многочисленные потребности двухмиллионного населения в пропитании, управлении, финансах, полиции и т. п. ...неизбежно должен будет разделиться на многочисленные комиссии и делегации. Даже 200 человек едва ли достаточно для этого». Шесть месяцев спустя, 4 апреля 1871 г., Центральный республиканский комитет возвратился к этим доводам и развил их. «Учитывая, что Парижская коммуна 1792 г. состояла из 200 членов, хотя в ту пору население Парижа насчитывало едва ли половину нынешнего...; учитывая, наконец, что члены Коммуны в силу неожиданных обстоятельств могут не оказаться на месте и что она рискует в любой момент оказаться неспособной принимать решения ввиду отсутствия необходимого кворума, Делегация 20 округов призывает Парижскую Коммуну удвоить число своих членов».

¹⁴ «Граждане Тридон и Вайян считают, что было бы неapolитично увеличивать в настоящий момент число членов Коммуны» («Procès-verbaux de la Commune de 1871», v. I. Leroux, Paris, 1924, p. 139).

мой для правительства власти и свободой, суверенитетом тех, кто его создал.

Коммуна, схваченная за горло версальцами, имела право и должна была защищаться, контратаковать, проводя энергичную политику общественного спасения. И такой была, как нам представляется, ориентация якобинско-бланкистского «большинства»; но эта военная диктатура должна была бы в значительно большей мере и без недомолвок опираться на народ. Коммуна должна была бы с самого начала опереться на Центральный комитет национальной гвардии, вместо того чтобы видеть в нем соперничающую власть. Центральный комитет, составленный из пролетарских вожakov, тесно связанных с массой национальных гвардейцев, мог бы с самого начала выделить кадры для новой военной администрации, вместо того чтобы изображать из себя «министерство масс».

Но Коммуна очень скоро стала рассматривать себя как суверенное собрание, ревниво относившееся к своей власти, а Комитет общественного спасения, подавив «меньшинство», еще более сузил массовую базу новой власти...

Члены «большинства» и члены «меньшинства» были согласны в основном, они стремились к одной цели: уничтожению эксплуатации человека человеком. Но они расходились — и подчас очень сильно — в вопросе о средствах достижения этой цели.

Члены «большинства», лучше сознававшие опасность вражеского окружения и непосредственную угрозу, нависшую над Коммуной, озабоченные эффективностью своих действий, придавали особое значение применению силы и охотно обзывали болтунами тех, кто спорил, как если бы всякая дискуссия парализовала действия. Члены «меньшинства», прошедшие в основном школу прудонизма, ярые противники централизованного государства торжествующей буржуазии, горячие приверженцы демократии и народного самоуправления, опасались, как бы судьбы революции не оказались в руках нескольких неконтролируемых лиц, и были убеждены, что лучшей гарантией будущего Коммуны является демократическое функционирование политических групп и институтов.

Так в пролетарском государстве нового типа, едва появившемся на свет, возникло диалектическое противоречие между властью и свободой. Так стремились в спорах, подчас весьма резких, согласовать между собой революционную сущность и демократическую форму.

* * *

С 26 марта по 21 мая предпринимаются неоднократные попытки привлечь народ к участию в государственных и административных делах.

31 марта Лео Франкель, член комиссии труда и обмена, ставит перед Инициативной комиссией, которую он образовал из делегатов рабочих ассоциаций в помощь правительственной комиссии, проблему мастерских, покинутых бежавшими из Парижа хозяевами. Он предлагает передать управление этими мастерскими рабочим ассоциациям, и, когда в зале, где заседает комиссия, кто-то замечает: «Это — революция», — он живо возражает: «Мы здесь как раз для того, чтобы совершить ее»¹⁵. Мы видим, что Франкель, не теряя времени, приступил к разработке единственного подлинно социалистического мероприятия, которое провела Коммуна: через два дня после создания комиссии труда и обмена он уже за работой вместе с Бенуа Маленом, Тейсом, Авриалем, Дюпоном, Эже-

¹⁵ См. *Martial Senisse. Les carnets d'un fédéré de la Commune, recueillis par Jean-André Faucher. Collection Action, Paris.*

ном Жерарденом и делегатами рабочих ассоциаций. 16 апреля Коммуна уже сможет поручить Комиссии составить доклад, намечающий условия, необходимые для быстрого ввода в действие закрытых мастерских, и не «дезертирами, которые их бросили, а силами кооперативной ассоциации трудящихся, которые были заняты в них»¹⁶. «Так это же декрет об уничтожении предпринимателей и хозяев» — мечет гром и молнии «Le Journal de Versailles» 19 апреля 1871 г.

* * *

Члены Коммуны, обремененные бесконечными обязанностями, смогли все же выполнять свою работу делегатов при окружных мэриях, поскольку опирались на муниципальные комиссии, составленные из делегатов, избранных клубами и народными собраниями в кварталах¹⁷. Бронзовщик Тейс сумел быстро рсорганизовать Управление почт благодаря почтовому совету, созданному из служащих этого ведомства¹⁸; проблема пенсий инвалидам войны, вдовам и сиротам была очень быстро и без создания специального административного аппарата решена с помощью делегатов, избранных батальонами в комиссию по пенсиям, заседавшую при каждой окружной мэрии¹⁹, Федерации художников были доверены административные функции, особенно в части управления музеями²⁰, а Федерация клубов, еще только создававшаяся, предложила свои услуги в качестве посредника между народными собраниями и Коммуной, с тем чтобы поселения первых могли лечь в основу декретов второй²¹.

8 мая, на заседании Коммуны, где как раз развернулись дебаты по этому вопросу, доктор Паризель поставил на место Журда, по мнению которого «публика не может быть судьей в вопросах, которые здесь рассматриваются». «Вот как! — возразил Паризель. — Но именно она и есть не только наилучший судья, но, я полагаю, и верховный судья... Говорят, что народ часто ошибается. Я позволю себе заметить, что если народ ошибается, то именно он за это и платит; что же касается нас, то мы не должны ошибаться, а для этого нужно, чтобы по поводу каждого нашего мероприятия народ высказал свое суждение, ибо, если народ утвердит наши действия, что же, он снимет с нас долю ответственности за них. Часто говорят: «существует некто, кто умнее одного человека, — это гражданин «все»»²².

Примеров подобной пронизательности не счесть. Перечитаем, например, замечательное письмо, направленное 4 мая 1871 г. гражданкой Э. Жерар (улица Амело, № 159, XI округ) военному делегату Коммуны²³.

«Гражданин, первая обязанность каждого правительства — заставить выполнять его декреты. Если оно не обладает необходимой для этого твердостью, его противники не преминут воспользоваться подобной слабостью, а его сторонники, даже наиболее пылкие, утратят бодрость духа. Именно это и происходит в настоящий момент. В то время как цвет республиканцев проливает свою кровь, несоблюдение декретов позволяет множеству лиц, пригодных к военной службе, не только преспокойно заниматься своими делами, но еще и поднимать на смех тех, кто сражается. Если подобное положение продлится еще несколько суток, Коммуна останется без защитников. И ей не следует этому удивляться, это будет

¹⁶ «Procès-verbaux», v. 1, p. 243.

¹⁷ См. «La Commune au coeur de Paris», p. 295—299.

¹⁸ Ibid., p. 307—309.

¹⁹ Ibid., p. 305—307.

²⁰ Ibid., p. 310—315.

²¹ Ibid., p. 286—294.

²² «Procès-verbaux», v. II, p. 272.

²³ Dauban. Le fond de la Société sous la Commune. Paris, 1873, p. 205—206.

делом ее рук; ибо, гражданин, если я посмела к вам обратиться с этими словами, то потому, что могу доказать их справедливость. Мой муж служит в 7-й маршевой роте 141-го батальона. Он в форте Исси с воскресенья 30 апреля; там он сражается, защищая наши права. Я не жалею об этом, ибо сама побудила его поступить так, ведь это его долг. Но вместе с тем у меня сердце обливается кровью при виде того, что сражаются лишь те, кто этого хочет. Трусость тех, кто уклоняется от службы, останаея безнаказанной. Часть граждан, входивших в состав батальона, уже разошлась по домам, подло покинув своих братьев, оставшихся на своем почетном посту. Это не мешает им получать пособия, положенные национальным гвардейцам. Это — не донос, гражданин делегат. Я далека от подобной мысли, но *мое сердце гражданки сжимается от страха при одной мысли, как бы слабость членов Коммуны не обрекла на неудачу прекрасные планы нашего будущего.* По мнению бойцов, Коммуна должна как можно скорее провести всеобщую перепись населения и призвать в армию всех граждан, пригодных к военной службе. Если Коммуна будет действовать в этом духе, честные люди, чувствуя поддержку, удвоят свои усилия, и все будет спасено.

«Остерегайтесь Булонского леса,— пишет гражданин А. Белливье в газету «Le Vengeur»²⁴.— Если версальцы решатся на штурм, то только на участке между Пуэн-дю-Жур и воротами Майю, и им еще надо выбрать в этой части пояса укреплений место, наиболее удобное и достаточно защищенное для концентрации своих войск. Так вот, только Булонский лес, над которым господствует Мон-Валерьен, является слабым местом нашей линии обороны. Если его захватят, это приведет к падению наших позиций в Нёйи, ибо их обойдут с тыла, и сделает версальцев полными хозяевами Триумфальной арки»²⁵. И гражданин Белливье ратует за то, чтобы построить, «отложив все другие дела», внутреннюю линию укреплений. Она должна состоять из баррикад (с амбразурами для пушек и митралез), воздвигнутых на всех крупных магистралях, и должна идти от площади Перейры к Сене через Триумфальную арку и Елисейские поля.

Что касается размещения защитников этой линии укреплений, то «очень мало людей на баррикадах и много в прилегающих к ним домах»,— сетует он. Основные силы Коммуны должны опираться на укрепления, имея в тылу Монмартр и угрожая с флангов всякой армии, которая захотела бы развернуться в западных районах столицы. «Не ожидайте врага в центральных кварталах. Его продвижение надо остановить в самом начале, если он решится на штурм наших укреплений»,— заключает Белливье. «Если в день атаки все эти меры будут приняты, ни одна армия в мире не отважится ворваться в Париж, ей дорого придется заплатить за свою безрассудную затею, если федераты, перейдя в свою очередь в наступление, нападут на нее с флангов и прижмут ее к Сене...»

Бесспорно, у этого простого гражданина было больше здравого смысла, чем у расшитых галунами штабников...

Версальцы вели энергичные подготовительные работы в уязвимом секторе, о котором писал Белливье.

«Этим утром, 21 мая 1871 г., в три с половиной часа утра,— царапает Лефранс на клочке голубой бумаги²⁶ записку Делеклюзу,— я сам установил, что у 63-го бастиона, в 300 метров от ворот Отёй и вблизи ворот Сен-Клу, версальцы ведут апрошные работы под прикрытием из туров, всего в 15 метрах от крепостного рва. Эти сведения абсолютно точны.

²⁴ Письмо было напечатано в «Journal Officiel» 15 мая 1871 г.

²⁵ Именно так все и произошло 21 мая 1871 г.

²⁶ Мы нашли его в Военно-историческом архиве в Венсенском замке.— Archives historiques de la guerre (АНГ) Lu 20.

Я предупредил об этом Домбровского, когда вернулся в Ла Мюэтт. Он этого совершенно не знал»²⁷.

Эта первостепенной важности информация дошла до военной делегации, ибо версальцы нашли ее там. Она подтверждала то, что Лакор, член Центрального комитета национальной гвардии, сообщал несколькими днями ранее, 1 прериала 79 года: «Гражданин Лефрансэ, которого я встретил, заявил мне, что в Пуэн-дю-Жур, откуда он прибыл, нет ни одного человека»²⁸.

Охлаждение мелкой буржуазии к Коммуне, обнаружившееся во время апрельских дополнительных выборов и объяснявшееся ее уверенностью в том, что Коммуна, ограничиваясь обороной, идет к гибели, приводило к деморализации и распаду батальонов федератов. Оборонительная стратегия вынуждала Коммуну распылять свои силы, создавая слабые заслоны на большом протяжении линии обороны от Сент-Уэна до Иври, в то время как версальцы могли концентрировать в Булонском лесу свои силы вторжения. Неожиданное вторжение версальцев в Пуэн-дю-Жур парализовало оборону коммунаров. Нужно было призвать батальоны, действовавшие в пригороде, и обрушить их ночью на фланги нападающих. Вместо этого Делеклюз, забыв урок, извлеченный Бланки из поражения июньского восстания 1848 г. («Главное — не запирайтесь в своих кварталах») ²⁹, издает напыщенный, но дезорганизирующий приказ: «Довольно милитаризма.. Место народу, борцам с голыми руками...» Теперь каждый считает себя вправе вернуться в свой квартал, чтобы сражаться там.

Когда Гуйе, член Центрального комитета, подсчитал наличные силы I округа на 21 час 15 минут 21 мая, то стало ясно, что они ничтожны: «40 артиллеристов и одна полубатарея, находящиеся в полной готовности, не могут быть введены в действие из-за решительного отказа мэра Пию и его муниципалитета.

Состояние батальонов, находящихся в нашем распоряжении:

- 5-й — 100 человек из маршевых рот.
- 12-й — уничтожен
- 13-й — в Ла-Мюэтт, малочислен.
- 70-й — 50 человек несут охрану Палэ насыональ.
- 74-й — 250 готовы к несению военной службы.
- 112-й — в Нейи — малочислен.
- 113-й — 40 человек в Вожираре, остальные в бегах.
- 196-й — в Монруже, малочислен.

Можно располагать батальоном, призвав несколько разрозненных, смешанных рот, руководимых самим Бурсье. Рассчитывать на местные воиска не следует»³⁰.

Подозрительность по отношению к командирам была почти всеобщей. «Наши гвардейцы следили за нами с подозрением. Наша жизнь постоянно была под угрозой,— пишет командир Серва, начальник штаба обороны Тюильри и улицы Риволи ³¹ — Когда надо было обеспечивать нужды обороны, мы были начальниками, но при всех других обстоятельствах нас встречали словами... Делеклюза. «Париж в опасности. Нет более командиров. Мы все — солдаты».

Все солдаты... Как они трогательны, эти маленькие записочки, напи-

²⁷ Несомненно, именно после этого сообщения Лефрансэ Домбровский 21 мая доложил Делеклюзу, что «штурм неизбежен» «Часть пояса укреплений между Пуэн-дю-Жур и воротами Отей не охраняется. Батальоны, направляемые туда для несения службы, немедленно возвращаются в беспорядке в Париж, и враг, используя подобное положение вещей, форсирует свои работы вблизи ворот Сен-Клу» (*Dauban. Op. cit.*, p. 363)

²⁸ АНг, Ly 20

²⁹ См «Instructions pour une prise d'armes», 1868

³⁰ АНг, Ly 20

³¹ Archives Nationales, BB 24/859

санные карандашом на обратной стороне конверта, на каком-либо клочке бумаги людьми, ставшими волею случая командирами баррикад!

«Ордер на кило тонкого шпагата, чтобы привязывать мешки на баррикаде на площади Палэ насьональ, улица Риволи. Подписано: *комендант баррикады Говен*»³².

Гвардейцы 196-го батальона, размещенные вблизи поста, оборонявшего подступы к Французскому банку, призывают Комитет общественного спасения: «*Ради чести нашего дела усильте этот очень важный пост, который 196-й батальон не может полностью защитить, так как уже имеет две баррикады, которые чрезвычайно трудно оборонять*»³³.

А записка Елизаветы Дмитриевой, адресованная женскому комитету XI округа: «*Соберите всех женщин и самый комитет и немедленно отправляйтесь на баррикады*»³⁴.

Женщины! Их встречаешь во всех кварталах так до конца и не покоренными. Вот Луиза Мишель и ее товарищи, защищавшие площадь Бланки, затем площадь Пигаль, улицу Мирра, где пал Домбровский. Вот маркитантки Вандеваль и Мена ведут, как мужчины, ружейный огонь на улице Руаяль, гражданка Машю стреляет из пушек вместе с матросами Брюнеля на террасе Тюильрийского дворца. Это женщины вместе с Варленом обороняют улицу Медицинского факультета и улицу Мосьё ле прэнс, а маркитантка 84-го батальона гражданка Бросью защищает из последних сил вокзал Монпарнас и улицу Вавен. Вот консьержка Боннефуа — душа сопротивления большой баррикады на углу улиц Шато д'О и Фобур Сен-Мартен. После подавления Коммуны ее приговорили к 15 годам тюремного заключения; в декабре 1878 г., заболев в Руанской тюрьме, она отказалась подписать прошение о помиловании. Вот гражданка Жаклар, которую мы встречаем в арьергардных боях в XVIII и XIX округах. А вот две старые женщины, чьи имена остались неизвестными, последние защитницы своих баррикад, которые пали с оружием в руках, — одна перед входом в Политехническую школу, другая перед зданием Консерватории искусств и ремесел³⁵.

А мужчины! Видные борцы, чей героизм оставил след в истории Коммуны: Домбровский, Брюнель, Врублевский, Лисбонн, Ла Сесилиа... Но также и те, о которых почти не говорили и которые заплатили жизнью за свою веру: полковник Бено, простой подручный мясника, 32 лет, энергичный командир 230-го батальона, защитник Тюильри и баррикады на улице Ребеталь, одной из последних баррикад 28 мая 1871 г. Подполковник Гийета, душа IV легиона; доктор Наппа-Шике, командир подрывников, — оба они без вести пропали в этой буре. Филипп, мэр и защитник Берси; Жантон, участник баррикадных боев в июне 1848 г. и в декабре 1851 г., — оба были расстреляны версальцами. Преданность всех этих скромных, безвестных, простых людей, которой они никогда не кичились, оживает в документах Национального и Военно-исторического архивов. Тысячи архивных дел могут еще многое рассказать нам... И прежде всего о самоотречении этих пионеров социализма, боровшихся до последнего не ради победы, ставшей невозможной, а ради того, чтобы открыть для нас двери в будущее.

Да, это не самый меньший из сюрпризов, которые ожидают исследователя: возможность констатировать, что, преодолев замешательство первой минуты, революционные пролетарии французской столицы не выпускали из рук красного знамени до самого конца. Это почти невероятно,

³² Archives Préfecture de police, carton 15.

³³ Ibidem.

³⁴ Ibid., Ве 28. Воспроизведено в газете «L'Union», 14.VII 1871.

³⁵ См.: *M. Choury. La Commune au Quartier Latin.* — VII. La bataille des barricades. См. также: «*La Commune au coeur de Paris.*» — VIII. La semaine sanglante.

что, несмотря на обойденные врагом позиции, на непрерывные отходы частей, на подавляющее превосходство вражеских сил, низы стояли на смерть до самого конца.

Книга довольствия XI легиона, в которой учитывались талоны на хлеб и жалованье, выдававшиеся с 21 по 27 мая, позволяет точно установить, что все 26 батальонов национальной гвардии Сент-Антуанского предместья сражались в дни Кровавой недели³⁶.

И разве не в высшей степени знаменательно, что в самый разгар диких репрессий Эжен Потье бросает в мир свою песнь надежды и борьбы: «Вставай, проклятьем заклейменный...»?

³⁶ Archives départementales de la Seine, D 1 R4—29: два батальона имели по 1 роте, три батальона — по 2, один батальон — 3, четыре батальона — по 4 роты, шесть батальонов — по 5 рот, четыре батальона — по 6, два батальона — по 7, три батальона — по 8 рот и один батальон — 10 рот.

о Парижской коммуне - документы, исследования, мемуары, публицистика, пьесы, стихотворения, романы, живопись и графика, радиопередачи и фильмы
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune